

2-й экз
✓

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

58695

версия 1 и 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

К Н И Г А

4

140

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1945

О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

В № 12 «Исторического журнала» за 1944 г. появилась большая, очень обстоятельная и содержательная рецензия проф. Дружинина на II т. моего исследования о Крымской войне.

Меньше всего автору может придти желание полемизировать против таких серьёзных и лестных отчётов, как эта рецензия, и если мне всё же хочется внести кое-какие уточнения, то я повинуюсь следующему соображению. Обоим издательствам, выпустившим в свет мою книгу (Военмориздат и издательство Академии наук), не удалось обеспечить получение этой книги всеми теми, кто желал её прочесть, и я вполне убеждён, что 99% читателей «Исторического журнала» узнают не только о содержании, но, быть может, и о самом факте существования моей работы исключительно из рецензии тов. Дружинина. Поэтому мне и кажется полезным сказать несколько слов о тех пунктах, относительно которых я не могу согласиться с автором отзыва.

1. Проф. Дружинин находит, что я недостаточно говорю об общественных настроениях в России в период Крымской кампании. Не могу принять этого упрека: я цитирую и изданные и неизданные суждения славянофилов (в том числе некоторые абсолютно никем до меня не затронутые), привожу и мнения Грановского, Тургенева, С. М. Соловьёва, Пирогова, Льва Толстого, мнения, высказанные в период войны. Это, очевидно, ускользнуло от внимания рецензента. Что касается Добролюбова и Чернышевского, то мне и незачем было их касаться, ибо их высказывания уже выходят за хронологические рамки моей работы, посвящённой дипломатии и войне в 1853—1856 годах. О Добролюбове и Чернышевском и об очень многих других мне придётся сказать немало, если удастся осуществить намерение (о котором я говорю в своей книге) написать работу по истории русской и европейской дипломатии 1856—1863 годов. А в этих двух томах говорить о всех последствиях Крымской войны было бы совершенно неуместно, да и невозможно: предмет слишком огромен.

2. Рецензент находит, что, приведя полемику между специалистами по вопросу о полезности или губительности потопления части флота перед Севастополем, я воздерживаюсь от окончательного приговора по этому предмету. Сам проф. Дружинин решает вопрос в пользу полезности потопления. Но ведь эта полемика между большими

специалистами, адмиралами и военно-морскими техниками и крупными тактиками морского боя длится вот уже девяносто лет и никак не может окончиться. А началась полемика ещё со времён Корнилова и Нахимова, которые были в отчаянии от приказа Меншикова, и Нахимов своей волей и вопреки приказу сберёг часть флота и прекрасно его использовал во время войны, чему я привожу доказательства. Как же можно решать сплеча, вполне категорически вопрос, по которому существует и на Западе и в России целая строго специальная и противоречиво судящая литература? Увы! При совсем скромных размерах нашего с Дружининым авторитета в области военно-морского судостроения и тактики обороны побережий наш «окончательный» вердикт никак не убедит читателя. Оттого я и воздержался от столь властного личного вмешательства в ярые споры адмиралов и военно-морских теоретиков. И напрасно рецензент не последовал моему примеру.

3. Проф. Дружинин находит, что я недооценил значение мин в морской войне и не сказал о «повреждениях, причинённых минами английскому флоту». Нет, никаких повреждений ни английскому, ни французскому флоту русские мины не причинили, и я привожу убедительные документы, доказывающие, что они и не могли таких повреждений причинить, и у нас опыты с минами были тогда ещё не удачны. Это и есть одно из многочисленных доказательств технической отсталости, до которой довёл Россию николаевский режим и которая является аксиомой для историка. Точно так же и подземную минную проводку в Севастополе не я «недооцениваю», а рецензент сильно переоценивает. И Тотлебен признаёт тоже, что не только подземные мины вовсе не «сорвали планы противника по подготовке штурма», но именно та главная мина, которая должна была взорвать французов при их нападении на Малахов курган, к сожалению, вовсе не была ещё готова к роковому дню последнего штурма! А о героической, тяжкой и опасной подземной работе русских сапёров и землекопов я не только говорю, но и привожу подлинный, мною впервые найденный архивный документ, проследивший эту работу час за часом.

4. Рецензент несогласен со мной, что союзные главнокомандующие совершили ошибку, не напав на Севастополь с северной стороны тотчас после Альмы. В этом он безусловно заблуждается! Не только все рус-

ские генералы и адмиралы без единого исключения всегда утверждали, что эта грубая ошибка неприятеля спасла Севастополь в сентябре 1854 г., но и вражеское командование уже очень скоро это признало, и когда после войны Тотлебен категорически сказал Канроберу об этой англо-французской ошибке, то Канробер уже и сам понял её очень хорошо ещё до того! А Нахимов (как я и указываю в книге) с ликованием твердил, что непременно после войны возьмёт специально отпуск, чтобы съездить в Париж и «сказать дурака» французскому главнокомандующему. Об этой бесспорной и счастливейшей для русских ошибке никогда ни споров не поднималось в военной литературе. «Если б я это знал, я бы повесил Сент-Арно!» — воскликнул Наполеон III, говоря с князем Долгоруковым (уже после войны) об этой ошибке французского и английского командования. Ведь великий подвиг Тотлебена, его сапёров и землекопов в том и заключается, что они успели этой ошибкой вполне воспользоваться и с лихорадочной быстротой блистательно укрепили незащищённый с севера город.

5. Наконец, об одном из моих выводов, сформулированных в словах «Великий колосс выдержал страшные удары в 1854—1855 гг. и не только не пал, но и не пошатнулся», рецензент пишет, что «если под «великим колоссом» понимать николаевскую империю, то это утверждение неверно».

Но мне и в голову не могло придти подобное «понимание»! Ведь оба мои тома — сплошной обвинительный акт против гниющего, мертвящего режима николаевщины, упорно сводившей к нулю все героические усилия защитников Севастополя! Конечно, под «великим колоссом» я понимал великий русский народ, и даже самая формулировка была навеяна приводимой мною в главе о падении Севастополя цита-

той из Некрасова о «народе-герое», который «не шатнулся до конца». Но считаю, во всяком случае, уместным отметить, что такая формулировка способна порождать недоразумения, значит, её должно уточнить, и ещё месяца за два до появления рецензии проф. Дружинина я это сделал: в полностью отпечатанном в ноябре, но ещё не вышедшем в свет II т. моей книги (издательство Академии наук) я заменил слова «великий колосс» словами «великий русский народ», потому что и в устных беседах читатели спрашивали у меня разъяснений.

По существу же, одним из выводов, которыми я больше всего дорожу, и является опровержение того шаблона, который так распространён в западноевропейской литературе и который нелепо преувеличивает размеры русского поражения. Не говоря уже о злобном и наглом прусско-саксонском шовинисте Трейчке, не говоря о мерзостной ругани и злорадных издевательствах по адресу русского народа в нынешней немецкой псевдонаучной литературе (по поводу Крымской войны), вспомним, что и в писаниях, например, таких далёких созерцателей русских исторических событий, как американский дипломат статс-секретарь в кабинете Вильсона Лансинг, мы находим (в его воспоминаниях) выходки о моральной слабости русского народа в годы Крымской войны. Моя книга теперь переводится в Америке, и, когда она выйдет в свет, мне хочется послать скорому на умозаклучения господину Лансингу экземпляр...

Вот и всё, что я хотел прибавить для читателя «Исторического журнала» в дополнение к рецензии проф. Дружинина, так отчётливо и вдумчиво уловившего основные моменты в содержании II т. моего исследования.

Акад. Е. Тарле

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Выступление акад. Е. В. Тарле с опровержением моих замечаний на его книгу дают и мне основание ещё раз взять себе слово, чтобы развить и уточнить высказанные мною мнения.

1. Начну с подводной минной войны — с вопроса, в котором у акад. Е. В. Тарле не достигнуто полной ясности. Если читатель развернёт 412—413 стр. II т. «Крымской войны», то он встретит два несогласованных между собой утверждения: на стр. 412, ссылаясь на рапорт адмирала Литке, автор устанавливает полную непригодность подготовленных русских мин, а на 413 стр., ссылаясь на донесения французского адмирала Пэно, он сообщает о повреждениях, причинённых кронштадтскими минами французскому флоту. Теперь (в письме в редакцию) акад. Тарле уже категорически утверждает: «Нет, никаких повреждений ни английскому, ни французскому флоту русские мины не причинили... Они и не могли таких повреждений причинить, и у нас опы-

ты с минами были ещё не удачны». Так ли это?

Если мы обратимся к специальным военно-историческим исследованиям по данному вопросу, то окажется, что акад. Тарле допускает явную ошибку. Опыты с подводными минами начались в России с 1831 г., причём впервые, независимо и раньше, чем в Западной Европе, у нас был найден наиболее эффективный способ воспламенения подводных мин с помощью гальванического тока. Опыты продолжались в 40-х годах и были вполне удачны. По данным авторитетного специалиста М. Борескова, во время Крымской кампании подводные мины изготовлялись не только акад. Якоби, но и целым рядом русских военных инженеров — Сергеевым, Зацепиным, Боресковым и т. д. Мины были заложены около Кронштадта, Ревеля, Дюнамюнде, Свеаборга, Керчи, на устьях Днепра, Днестра и Дуная. Хотя величина зарядов была невелика, погружённые мины произвели определённое действие. «Этим